

Число три в семиотике Ч.С. Пирса. К вопросу троичности¹

Проскурин Сергей Геннадьевич,

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры межкультурной
коммуникации Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1;
профессор кафедры иностранных языков
факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20
ORCID: 0000-0001-7244-264X
s.proskurin@mail.ru*

Проскурина Анна Вячеславовна,

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20
ORCID: 0000-0001-9026-2511
a.vyacheslavovna@gmail.com*

Аннотация

Число три относится к важному фактору построения семиотики Ч.С. Пирса. Число три является своеобразным лейтмотивом теории. Вся конструкция знания покоится на первичности, вторичности и троичности. Первичное, вторичное и третичное сводятся к трем сторонам треугольника Г. Фреге и предстают в иной терминологии как репрезентант, объект и интерпретант. Эти троичные координаты мысли являются ее пространством и воплощают, выражаясь словами Ю.С. Степанова, трехмерное измерение языка. У Ч.С. Пирса эти координаты имеют телеологический смысл. Сама концепция Ч.С. Пирса предстает как сумма трех трихотомий, которая допускает 27 комбинаций знаков, из которых 17 комбинаций запрещены. Разрешено только 10 комбинаций. Идея троичности предполагает 3^{10} знаковых комплексов. Некоторые из них являются запрещенными

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01712) «Неоязычество в художественных практиках современной России: этнокультурные реценции, коммуникативные технологии, ценностные основания».

с позиции логики. Так, индекс не может служить аргументом. В статье это показано на примере рассадки субъектов за круглым столом. Субъект напротив вроде бы находится справа, но на самом деле расположен напротив.

Всеобщность троичности предстает аргументированным кодом семиотического построения. Триадность концепции служит базой для построения законов семиозиса. Первичность – это иконичность, вторичность – это индексальность, а третичность – это символичность. Вопросы троичности возникают как типизации повествования, когда первое есть начало, второе – завершение, а третье – середина. Представление о трех как о середине восходит к Античности. В работе предлагается индивидуальное изменение середины как третьего элемента. За основу берется счетная традиция индоевропейских народов и число знаков формулы «вера, надежда, любовь». Перестановка элементов формулы, когда третье по счету – любовь, занимает срединную, вторую позицию, восходит к самым ранним вариантам использования этой формулы. В этом и заключается оригинальный подход к доказательству срединности третьего в традиции индоевропейских народов.

Ключевые слова: троичность, репрезентант, объект, интерпретант, семиозис, знак, семиотический треугольник.

Number Three in the Semiotics of Ch.S. Peirse. On the Issue of Triplicity

Sergey Proskurin,

*Dr. Sc. (Philology), Professor,
Professor of the Chair of Intercultural Communication,
Institute of Humanities, Novosibirsk State University,
1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation;
Professor at the Chair of Foreign Languages,
Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University,
20 K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7244-264X,
s.proskurin@mail.ru*

Anna Proskurina,

*Cand. Sc. (Philology),
Associate Professor at the Chair of Foreign Languages, Faculty of Humanities,
Novosibirsk State Technical University,
20 K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9026-2511,
a.vyacheslavovna@gmail.com*

Abstract

The number three refers to an important factor in the construction of the semiotics of Ch. S. Peirse. The number three is a kind of leitmotif of the theory. The whole construction of knowledge rests on primary, secondary and tertiary.

Primary, secondary and tertiary are reduced to the three sides of Gottlob Frege's triangle and appear in a different terminology as representative, object and interpretant. These ternary coordinates of thought are its space and embody, in the words of Yu. S. Stepanova, three-dimensional measurement of language. According to Ch. S. Peirce, these coordinates have a teleological meaning. The very concept of Ch. S. Peirce appears as the sum of three trichotomies, which allows twenty-seven combinations of signs, of which seventeen combinations are prohibited. Only ten combinations are allowed. The idea of trinity involves 3^{10} sign complexes. Some of them are forbidden from the standpoint of logic. Thus, the index cannot serve as an argument. In the article, this is shown by the seating of subjects at a round table. The subject opposite appears to be on the right, but is actually opposite.

The universality of the trinity appears as a reasoned code of semiotic construction. The triadic nature of the concept serves as the basis for constructing the laws of semiosis. Primary is iconic, secondary is indexical, and tertiary is symbolic. Questions of trinity arise as implementation of the narrative, when the first is the beginning, the second is the end, and the third is the middle. The concept of three as the middle goes back to ancient art. The paper proposes an individual measurement of the middle as the third element. The counting tradition of the Indo-European peoples and the number of signs of the formula "faith, hope, love" are taken as the basis. The rearrangement of the elements of the formula, when the third in a row – love – occupies the middle second position, goes back to the earliest uses of this formula. This is the original approach to proving the middle-ness of the third in the tradition of the Indo-European peoples.

Keywords: triplicity, representamen, object, interpretant, semiosis, sign, semiotic triangle.

Библиографическое описание для цитирования:

Прокурин С.Г., Прокурин А.В. Число три в семиотике Ч.С. Пирса. К вопросу тринности // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 2. – С. 415–428. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-415-428.

Proskurin S., Proskurina A. Number Three in the Semiotics of Ch.S. Peirce. On the Issue of Triplicity. *Ideas and Ideals* = *Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 2, pp. 415–428. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-415-428.

Введение

Числу три отводится особое положение в научном творчестве Ч.С. Пирса, что указывает на телеологическую значимость этого числа. «Под третьим» Ч.С. Пирс подразумевает «посредника, или связующее звено между абсолютно первым и последним. Первое есть начало, второе – завершение (the end), третье – середина» [5, с. 44]. Такое представление о третьем как о середине восходит к античным представлениям о троице. «Троица совершенна в более особом смысле, чем прочие числа. Числа, начиная от единицы и вплоть до четверицы, оказываются равными

[в сумме] соответственно единице, троице, шестерице и десятирице; причем единица, в качестве основания, равна единице, троица – единице и двоице, шестерица – единице, двоице и четверице, ... и таким образом оказывается, что у троицы есть нечто большее ввиду того, что она непосредственно следует за числами, которым она равна. Ввиду подобных причин троицу назвали “серединой” (*mesotes*) и “соразмерностью” (*analogia*) не потому, что она первую из чисел заняла срединное положение и, с другой стороны, одна-единственная составляет тождественно-равное доходящим вплоть до нее числам, но потому, что по образу родового (*genices*) равенства, которое является серединой большего и меньшего неравенства видов, троица оказывается посреди меньшего и большего, обладая соразмерной природой: стоящее до нее 2 больше предшествующего ему, то есть числа 1, являясь основанием первичного отношения большего к меньшему, [то есть 2:1]» («Теологумены арифметики» Ямвлиха, цит. по: [3, с. 404–405]).

Вера, надежда, любовь

Формула христианской добродетели *вера, надежда, любовь* широко представлена в европейской народной культуре. Эта формула переживается как ценность в индоевропейской культуре и переводится на большинство языков. Формула впервые встречается в тексте Первого послания ап. Павла Коринфянам. Приведем пример из Библии, указывающий на это матричное построение. «And now these three remain faith, hope and love. But the greatest is love» (1 Corinthians 13:13). «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:13). «Сии три» (*these three*), таким образом, поставлены апостолом Павлом в исключительную группу, превыше других добродетелей. В немецком переводе формула имеет вид *Glaube, Hofnung, Liebe*, в нидерландском – *geloof, hoop, liefde* и т. д. Формула – это типичное сочетание концептов, т. е. фактов «словаря», или фактов парадигматики, находящих воплощение в столь же типичных контекстах, т. е. фактах синтагматики. То, что формулы ассоциированы в индоевропейском ареале с системой счета, можно объяснить списочным характером хранения информации. Например, алфавитные тексты в др.-рус. *Азь-Буки-Веди* или гот. *Aza-Berkna-Geba* – это матрицы, допускающие не только смысловые синтагмы типа «Я буквы знаю» или «Один березу (материал для письма) даровал», но и последовательности счета до трех. За компонентами формулы скрываются особенности счета до трех, а сами компоненты формул – часто счетные слова индоевропейской культуры. Вера – это первое, Надежда – это второе, Любовь – это третье. На Руси (и шире – в индоевропейском пространстве) именуют не только лиц (римлянки, казненные за веру в Христа), но и объекты (горы, заводские трубы и т. д.).

Семиотика формулы «Вера, надежда, любовь» предполагает наличие двух актантов: один верит, значит, другой внушает ему доверие; один надеется, а другой подает надежду; один любит, а значит, другой вызывает к себе любовь. Взаимосвязь между этими двумя актантами представляет собой ситуацию договора или некоего соглашения, поскольку один актант подразумевает существование другого. Иными словами, христианская формула «Вера, надежда, любовь» образует замкнутый круг общения между актантами [4]. «Верующие надеются (уповают) на того, кому верим, а верные и надежные партнеры вызывают привязанность и любовь. Верность (вера) предполагает или даже подразумевает надежность (надежду). В характеристике человека “верный” и “надежный” являются синонимами. Направленность действий в круге общения может быть обратной, когда любящий человек верит и надеется, а может и быть обоюдной, когда оба актанта взаимно верят, надеются и любят. При этом возникает вектор высказывания: от первого актанта ко второму, от второго – к первому, а иногда – в обе стороны, обоюдно. В круговороте общения вектор высказывания может меняться, при этом актанты как бы меняются ролями. Следовательно, иконичность семиотической формулы “faith (belief), hope, charity (love)” выражается принципом последовательности, который объясняется порядком упоминания компонентов данной христианской формулы, т. е. сначала идет вера во Христа, затем следует надежда на спасение души, и только потом надежда перерастает в любовь – непреходящую христианскую добродетель. Замкнутый круг в виде опирающихся друг на друга надежду, веру и любовь толкуется с позиции христианской любви, являющейся средой для существования веры и надежды, условием их слияния и взаимосвязи» [6, с. 86].

Матричной доминантой является концепт «любовь», последний в серии добродетелей. Однако формула остается по структуре матрицей, поскольку, например, может меняться ее матричная доминанта (ср. формулу с перестановкой в названии книги отца Ансельма Грюна: «Glaube. Liebe. Hoffnung» – «Вера. Любовь. Надежда»). Управляющий смысл – надежда. Итак, «более высокий порядок достраивается на более низком – порядке иерархических ценностей» [7, с. 180]. Обратимся к триадичной модели знака Ч.С. Пирса, согласно которой второй элемент – завершение, а третий – середина. Такое моделирование обнаруживается в древнеанглийской поэме *Instructions for Christians*, которая завершается отсылкой к завету апостола Павла, подчеркивающему основную идею новой зародившейся христианской веры (строки 257–265) (текст поэмы *Instructions for Christians* представлен по изданию *Old English Shorter Poems* [10]; перевод на русский язык наш. – А. П.) (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Вера, надежда, любовь

Faith, Hope, Love

Номер строки	Текст	Перевод
256	Undergyte ðu þis geornlice æfre þæt sigefæste weogas syndon ealle þreo heonan to heofonum, swa us se halga wer and se apostol Paulus gekydde	Всегда знай, что отсюда на небо есть всего три победоносных пути, как святой человек и апостол, Павел, возвестил нам
260	An is geleafa, and lufu oðer, þridde is tohope þam ðe eallunga to þam uplican hame efestlice gefencað. Gefylste us, <i>filius dei</i> , þæt we to þam eared becumon moton. Amen	Первый есть вера, второй – любовь, третий – надежда тех, кто всецело и ревностно стремится к небесному дому. Да поможет нам Сын Божий, дабы нам было позволено прийти в эту небесную обитель. Аминь

Пример троичности формулы предполагает, что идея завершения закрепляется за вторым членом формулы – надеждой, в то время как любовь предстает срединным концептом. Снова обратимся к примерам Ч.С. Пирса. «Положительная степень прилагательного есть первое, превосходящая – второе, сравнительная – третье. Всякое преувеличение в языке: “высочайший”, “крайний”, “несравненный”, “наиважнейший” – привлекает ум, который думает о втором и забывает третье. Действие есть второе, поведение – третье. Закон как действующая сила – второе, порядок – третье» [5, с. 44]. Таким образом, разворот формулы «вера, надежда, любовь» несет в себе семиотические основания срединного и остаточного концепта. В концепции Ч.С. Пирса троичность предполагает доминирование срединного концепта, тогда как завершающий смысл является вторичным. Согласно такому подходу концепт «любовь» сохраняет свое превосходящее значение, занимая срединную позицию, тогда как концепт «надежда» завершает перечень добродетелей.

Трихотомии знака

Ч.С. Пирс, выделяя три трихотомии знака, отмечает, что «знак замещает собой (*stands for*) нечто, придерживаясь (*stands to*) некоторой идеи, которую он производит или изменяет» [5, с. 45]. Первая трихотомия ба-

зируется на основе репрезентамена. Семиотик классифицировал знаки как квалисигны (идея первичности), синсигны (вторичность) и легисигны (третичность) в соответствии с тем, является ли знак сам по себе просто качеством, реальной экзистенцией (чем-то реально существующим) или общим законом. Квалисигн – это качество, являющееся знаком, которое не может выступать таковым, пока не получит воплощения, а по мере воплощения оно становится синсигном. Репрезентамен знака «синсигн» – существующая вещь или событие, т. е. единичный знак. Легисигн – закон, ставший знаком, тогда как всякий условный знак является легисигном. Это не единичный объект, а общий тип, который, согласно социальному договору, имеет значение. Иными словами, каждое слово какого-нибудь языка – это легисигн, однако в конкретном высказывании или предложении слово является синсигном. Ч.С. Пирс назвал синсигны, которые предстают конкретными проявлениями легисигнов, копиями, или репликами. Каждый легисигн обозначается через частные употребления, называемые его репликами. Так, артикль *the* появляется практически на каждой странице английского текста от 15 до 25 раз и во всех этих употреблениях, являясь одним и тем же словом, т. е. легисигном. Каждый отдельный его пример – это реплика, выступающая синсигном. В древнегреческом способе письма βουστροφῆδον (букв. «как бык, папуший поле») одна строка идет слева направо, а другая – справа налево (или начинается в правую сторону в первой строке). В такой письменности буквы часто обращены в сторону направления письма. Например, два специальных символа (реплики), называемые «эпсилон» (Ε и Ξ), являются одним и тем же знаком, который называется «типом» (или в терминологии Пирса – легисигном).

Вторая трихотомия, как считал основоположник семиотики, является самой фундаментальной классификацией знаков, которая была разработана в отношении объекта. Три члена второй трихотомии – это иконы (первичность), индексы (вторичность) и символы (третичность). Приведем выдержку из работы Р. Якобсона «В поисках сущности языка», посвященную второй трихотомии. Знаки (или репрезентамены в номенклатуре Ч.С. Пирса) представляют три основные разновидности семиозиса, три различных «репрезентативных свойства», которые основаны на разных взаимоотношениях между *signans* и *signatum*. Это различие позволяет ему выделить три главных типа знака:

- 1) действие иконического знака основано главным образом на фактическом подобии означающего и означаемого;
- 2) действие индекса основано на фактической реально существующей смежности означающего и означаемого;
- 3) действие символа основано на установлении по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого [9].

Третья трихотомия семиотика разрабатывается на базе интерпретанты, которая может быть *ремой*, *дицентом* или *аргументом*, и соответствует привычной классификации в логике: *термин*, *пропозиция* и *аргумент*, модифицированной с целью быть применимой к знакам вообще. Термин – это просто название класса или имя собственное, в то время как рема – это любой знак, который не является ни истинным, ни ложным, как почти любое отдельное слово, за исключением слов «да» и «нет». Рема в соответствии с древнегреческим *ρημα* – «слово» – это простой или замещающий знак, знак качественной возможности, представляющий разновидности возможного объекта. Дицент, или дицисигнум, является существующим знаком, как и пропозиция. Он является информационным, но ничего не утверждающим знаком. Самый простой способ определения, является ли знак децисигном или нет, состоит в том, чтобы установить, является он истинным либо ложным. Аргумент – это знак закона, а именно закона о том, что справедлив переход от всех предпосылок к соответствующим выводам. В то время как знак «дицент» только лишь утверждает существование объекта, знак «аргумент» доказывает его истинность.

Типы отношений в трихотомиях по категориям в сжатом виде представлены в табл. 2.

Таблица 2

Table 2

Трихотомии Ч.С. Пирса
The Trichotomies of Ch.S. Pierson

Категория	Трихотомия		
	по отношению к репрезентанту	по отношению к объекту	по отношению к интерпретанте
Первичность	Квалисигн	Икона	Рема
Вторичность	Синсигн	Индекс	Дицент
Третичность	Легисигн	Символ	Аргумент

Теоретически имеется всего $3^3 = 27$ возможных классов знаков. Однако некоторые из них невозможны с семиотической точки зрения (например, знак «синсигн» не может быть символом или индекс не может быть аргументом. Индекс не может быть аргументом, так как причина заключается в позиционировании месторасположения относительно объекта). Основная идея состоит в том, чтобы сначала установить местоположение требуемого индивида, например Марка, затем установить систему координат, основанную на его ориентации, и, наконец, употребить эту семантику для добавления к модели Матфея в позиции, которая находится в правой сто-

роне поперечной оси, проходящей через Марка. Когда этот процесс осуществляется по отношению к лицам, сидящим за круглым столом, как показано на рисунке (приводится по [2, с. 253]), та же самая линейная семантика для положения справа порождает все требуемые отклонения в умозаключениях. Транзитивное умозаключение предстает следующим образом:

А находится справа от В,

В находится справа от С.

Следовательно, *А находится справа от С* – приемлемо, так как *А* располагается довольно близко от оси, проходящей через позиции, находящиеся справа от *С*. Представим другое транзитивное умозаключение:

А находится справа от В,

В находится справа от С,

С находится справа от D

... и т. д.

И находится справа от I.

Следовательно, *А находится справа от I* – неприемлемо, так как *А* находится почти что напротив *I* и очень далеко от оси, проходящей через позиции, которые лежат справа от *I*.

Системы координат для группы лиц, сидящих за столом

Такие ограничения допускают 10 классов знаков.

I. 1. (Рематический) иконический квалисигн.

II. 2. (Рематический) иконический синсигн.

3. (Рематический) индексальный синсигн.
4. Дицент (индексальный) синсигн.
- III. 5. (Рематический) иконический легисигн.
6. Рематический индексальный легисигн.
7. Дицент – индексальный легисигн.
8. Рематический символ (легисигн).
9. Дицент – символ (легисигн).
10. Аргумент (символический легисигн).

Следовательно, подход Ч.С. Пирса подразумевает наличие слоевого характера семиозиса. Знак приобретает измерения: «глубину», «ширину», «длину», как если бы он был пространственным феноменом или некоторой иерархией. Область рассмотрения рематического символа (легисигна), например, покрывает класс имен нарицательных в языках; дицентный индексальный легисигн находит свое выражение в дорожных знаках и командах и т. п. Все знаки описываются, как будто бы они саморегулирующиеся сущности, которые могут интерпретироваться через внутренний монолог субъекта. Семиотик констатирует, что феномен семиотического объекта и его отношение к интерпретатору имеет решающее значение для определения типа знака, и через него проявляются фундаментальные варианты возможных видов семиозиса. Однако такое пространственное измерение знака не единственно возможное. Не менее важно временное измерение. Так, в опубликованной посмертно книге «Экзистенциальные графы» (1933) Ч.С. Пирс подводит итог своей работы над знаками и пишет о том, что все знаки существуют либо в прошлом (иконы), либо в настоящем (индексы), либо в будущем (символы) [11, р. 360–361].

Характеристика знаков

Первый класс. Квалисигн (например, ощущение «красного») представляет собой любое качество настолько, насколько он является знаком, так как качество – то, что заключено позитивно в себе, поскольку может обозначать объект посредством общности составляющего или сходства. Поэтому квалисигн является иконой, а качество может интерпретироваться как знак сущности, т. е. предстоять ремой.

Второй класс. Иконический синсигн (например, индивидуальная диаграмма) является любым объектом, воспринимаемым в результате опыта, ровно постольку, поскольку некоторые его качества определяют идею объекта. Будучи иконой, может быть определен исключительно как знак сущности, или рема. Этот знак будет воплощать в себе квалисигн.

Третий класс. Рематический индексальный синсигн (например, спонтанный крик) является любым объектом, воспринимаемым в результате прямого опыта, так как он направляет внимание на [иной] объект,

посредством которого определяется его наличие. Со всей необходимостью он включает иконический синсигн особого вида; еще он является вполне отличным, поскольку привлекает внимание интерпретатора к самому обозначаемому объекту.

Четвертый класс. Дицент синсигн (например, флюгер) является любым объектом, воспринимаемым в результате прямого опыта, так как этот знак как таковой делает доступным информацию, касающуюся объекта. Это возможно, когда знак испытывает влияние со стороны объекта; таким образом, с вытекающей необходимостью он является индексом. Единственная информация, которую он может получить, – это информация о реальной действительности. Такой знак должен включать в себя иконический синсигн для воплощения информации и рематический индексальный синсигн для указания на объект, к которому относится информация. Но тип сочетания, или синтаксис, этих двух видов также должен быть значимым.

Пятый класс. Иконический легисигн (например, диаграмма, взятая в отрыве от ее действительной индивидуальности) является любым общим законом или типом постольку, поскольку от него требуется для каждого проявления воплощения определенного качества, которое позволяет ему соответствовать ситуации вызывания в уме идеи сходного объекта. Будучи иконой, он должен быть ремой. Будучи легисигном, его модус существования заключается в управлении единичными репликами. Отдельно взятые реплики являются иконическими синсигнами специфического вида.

Шестой класс. Рематический индексальный легисигн (например, указательное местоимение) является любым общим типом знака или знаком закона, который по мере установления требует от каждого своего проявления быть действительно под воздействием своего объекта, причем таким способом, который позволяет привлекать внимание к объекту. Каждая его реплика будет рематическим индексальным синсигном специфического вида. Интерпретанта рематического индексального легисигна представляет его в качестве иконического легисигна, но в наименьшей степени.

Седьмой класс. Дицент индексальный легисигн (например, уличный крик) является любым общим типом знака или знаком закона, который по мере установления требует от каждого своего проявления быть действительно под воздействием своего объекта, причем таким способом, который позволяет оформлять определенную информацию, касающуюся объекта. Он должен включать в себя рематический индексальный легисигн, который служит для означивания информации, и рематический индексальный легисигн, который обозначает предмет информации. Каждая его реплика будет дицентом синсигном особого типа.

Восьмой класс. Рематический символ, или символическая рема (например, имя нарицательное), является знаком, который связан с его объектом ассоциацией общих идей таким образом, что его реплика вызывает в уме образ, который в силу определенных привычек или характера этого ума имеет тенденцию генерировать общий концепт, и реплика интерпретируется как знак объекта, т. е. как одно из проявлений концепта. Таким образом, рематический символ также является тем, что логики называют общим термином «рематический символ»; как любой из символов, по необходимости является по своей природе знаком общего типа или, таким образом, легисигном. Реплика знака, однако, является рематическим индексальным синсигном особого вида. Прежде всего в том, что образ, который она представляет разуму, действует на символ уже на уровне самого разума, что, в свою очередь, генерирует общий концепт. В этом последний представитель отличается от других рематических индексальных синсигнов, включая те, которые являются репликами рематического индексального легисигна. Таким образом, указательное местоимение *that* является легисигном, будучи принадлежащим к общему типу; но это не символ, поскольку сам знак не обозначает общий концепт. Его реплики привлекают внимание к отдельным объектам и являются рематическим индексальным синсигном. Реплика слова *camel* («верблюд») подобна рематическому индексальному синсигну. Знак-реплика является действительно затронутым ввиду знания о верблюдах, которое будет общим для говорящего и слушающего, поскольку имеет отношение к реальному верблюду, даже если он не знаком отдельно слушателю. Именно через подобную реальную связь слово «верблюд» вызывает в уме идею верблюда [...]. Интерпретанта рематического символа часто представляет его в качестве рематического индексального легисигна; в другом случае она предстает в качестве иконического легисигна и в какой то степени сходна по природе с обоими.

Девятый класс. Дицентный символ, или обычная пропозиция, является знаком, связанным со своим объектом ассоциацией общих идей, и действует как рематический символ [...].

Десятый класс. Аргумент является знаком, чья интерпретанта представляет крайний знак посредством закона, а именно путем перехода от предпосылок к подобным выводам, стремящимся к истине. Его объект должен быть общим. Следовательно, аргумент является символом, а тогда в качестве этого символа выступает легисигн, реплика которого является дицентом синсигном [11, р. 22–26].

Таким образом, Ч.С. Пирс благодаря троичной классификации разработал типологию знаков на базе коррелятов знака: репрезентатива, объекта, а также интерпретанты, порождающих три трихотомии. Затем он выч-

ленил десять главных классов знаков, а позже выделил десять трихотомий и $3^{10} = 59\ 049$ классов знаков.

Заключение

Идеи, в которых доминирует троичность, требуют самого тщательного внимания. Опираясь на построение семиотического треугольника Готлоба Фреге, можно вывести всю типизацию троичных категорий по Ч.С. Пирсу. Отношение репрезентатива к объекту, отношение к объекту и отношение к интерпретанту порождает три трихотомии Пирса, которые предстают самостоятельными схемами семиотического знания. Так, первая трихотомия Ч.С. Пирса связана с распространением фонем и аллофонов. Одна фонема может иметь несколько представителей аллофонов в конкретных воплощениях (отношение легисигна к синсигну). Вторая трихотомия – базовая для всей системы – эксплицирует отношение к реальности, которое предстает иконами, индексами и символами. Иконы, знаки, обращенные в прошлое, являются входами в реконструкцию реальности. Индексы указывают на одномоментные местоположения, а символы существуют, поскольку связаны с существованием интерпретанты. Третья трихотомия Пирса иллюстрирует категоризацию простым категорическим силлогизмом. Таким образом, идея троичности связана с идеями всеобщности, бесконечности, непрерывности, рассеивания, приращения и информации.

Литература

1. Библия. – М.: Российское библейское общество, 2008. – XXXII, 1296 с.
2. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234–257.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Последние века (III–VI века). – М.: Искусство, 1988. – 447 с.
4. Степанов Ю.С. Протей: Очерки хаотической эволюции. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 264 с.
5. Пирс Ч.С. Принципы философии. Т. 2. – СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. – 320 с.
6. Прокурин С.Г. Курс семиотики. Язык, культура, право: учебное пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. – 226 с.
7. Прокурин С.Г., Харламова А.А. Семиотика концептов: учебное пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – 194 с.
8. The Holy Bible: Containing the Old and New Testaments (King James Version). – Gideons International, 1978. – 1217 p.
9. Jakobson R. Quest for the Essence of Language // Diogenes. – 1965. – Vol. 13 (51). – P. 21–37. – DOI: 10.1177/039219216501305103.

10. Old English shorter poems /ed. and transl. by Ch.A. Jones. – Harvard University Press, 2012. – 456 p.
11. Peirce Ch.S. Logic as Semiotic: the Theory of Signs // Introducing Semiotics: an Anthology of Readings. – Toronto: Canadian Scholar's Press, 1992.

References

1. *Bibliya* [The Bible]. Moscow, Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo Publ., 2008. XXXII, 1296 p. (In Russian).
2. Johnson-Laird P.N. Procedural semantics and the psychology of meaning. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 23. *Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 234–257. (In Russian).
3. Losev A.F. *Istoriya antichnoi estetiki: Poslednie veka (III–VI veka)* [History of ancient aesthetics: The last centuries (III–VI centuries)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 447 p.
4. Stepanov Yu.S. *Protei: Ocherki khaoticheskoi evolyutsii* [Proteus: Essays on Chaotic Evolution. M.: Languages of Slavic Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 264 p.
5. Peirce Ch.S. *Printsipy filosofii*. T. 2 [Principles of philosophy. Vol. 2]. St. Petersburg, St. Petersburg philosophical society Publ., 2001. 320 p. (In Russian).
6. Proskurin S.G. *Kurs semiotiki. Yazyk, kul'tura, pravo* [Semiotics course. Language, Culture, Law]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2013. 226 p.
7. Proskurin S.G., Kharlamova L.A. *Semiotika kontseptov* [Semiotics of concepts]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2007. 194 p.
8. *The Holy Bible: Containing the Old and New Testaments (King James Version)*. Gideons International, 1978. 1217 p.
9. Jakobson R. Quest for the Essence of Language. *Diogenes*, 1965, vol. 13 (51), pp. 21–37. DOI: 10.1177/039219216501305103.
10. Jones Ch.A., ed. *Old English shorter poems*. Harvard University Press, 2012. 456 p.
11. Peirce Ch.S. Logic as Semiotic: the Theory of Signs. *Introducing Semiotics: an Anthology of Readings*. Toronto, Canadian Scholar's Press, 1992.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023.

Статья прошла рецензирование 07.09.2023.

The article was received on 10.07.2023.

The article was reviewed on 07.09.2023.